

Н.В. Котляр

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Правила охоты: учреждение и деятельность охотничьих и стрелковых обществ на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.

Приводятся результаты исследования создания и деятельности общественных организаций (обществ) дореволюционного Дальнего Востока, действующих в охотничье-промысловой сфере. Особое внимание уделено вкладу общественных организаций в формирование охотничьего права: местных правил об охоте, закона, охраняющего зверя, практики борьбы с браконьерством в дальневосточной тайге. Хронологические рамки составляет период с 1887 года (с учреждения Владивостокского общества любителей охоты), охватывая период наиболее активной деятельности обществ охотников, до 1914 года (конечная дата обусловлена источниковым материалом, максимальная информативность которого в этом вопросе ограничена).

Ключевые слова и словосочетания: общественные организации (общества и союзы), история Дальнего Востока, правовое положение обществ и союзов, спортивно-охотничьи общества, стрелково-охотничьи общества, лесные общества, охотничий промысел, браконьерство

N.V. Kotlyar

Vladivostok State University of Economics and Service,
Vladivostok. Russia

Terms of hunting: the establishment and activities of hunting and rifle companies in the Far East in the late XIX – early XX centuries.

The article presents the results of research on the establishment and activities of public-governmental organizations (societies) pre-revolutionary Far East operating in hunts-draw-fishing area. Special attention is paid to the role of NGOs in the formation of the hunting law: local rules on hunting, the law protecting the beast, in the practice of poaching in the far Eastern taiga. The chronological framework is the period from 1887 (with the establishment of the Vladivostok society of Ojo-you), encompassing the most active period of activity of societies of hunters, until 1914 (the end date is due to the source material, the maximum information content of which in this matter is limited).

Keywords: social organization (society or soy-PS), history of the Far East, the legal status of societies and unions, sporting and hunting society, shooting-hunting society, forest society, hunting Pro-oils, poaching

Количество исследований по истории охотничьих, стрелково-охотничьих, лесных организаций, в том числе и на Дальнем Востоке, незначительно. Дореволюционная литература рассматривала охоту как увлекательное занятие, в это время особую популярность получили книги о повадках зверя, наставления и учебники для охотников. Данные об обществах сводятся к упоминанию об официальных моментах в истории обществ [1], роль охотников совершенно не оговаривается даже при обзоре состояния промысловых богатств [2]. Первые попытки научного обоснования ведения промыслов проведены в работах доктора Слюнина [3], в которых, однако, не упоминаются охотничьи общества. Автор дает описание Охотско-Камчатской области, в которой общества охотников не были учреждены. Т.И. Полнер, сравнивая общества с земскими и городскими общественными учреждениями, отмечает такие структурные закономерности различных общественных организаций, как соревновательность и стремление контролировать область своей деятельности [4, с. 4], но не обращается к сфере охоты.

Большинство исследований 1980–1990-х гг. сосредоточены на морских зверобойных промыслах, в связи с чем рассматриваются китобойные и рыбопромышленные общества, являющиеся акционерными компаниями [5]. Особенно актуален вопрос охраны редкого, в частности, дальневосточного зверя [6, 7]. Подчеркивается роль обществ в создании заповедников (6, с. 10). В конце 1990-х гг., в связи с обращением к потенциальным возможностям охотничьих угодий России, в научной литературе появляются понятия «экологическое сознание» и «экологическая нравственность» [8, 9, 10]. Обоснована необходимость возвращения к опыту, накопленному в охотничьем хозяйстве, в частности в обществах любителей охоты. Так, по мнению Р.В. Боброва, «опыт охоты, как направление целевого досуга особенно хорошо проявился в создавшихся добровольных обществах, принимавших на себя распорядительные функции по устройству охот и соблюдению охотничьих правил» (10, с. 17). В целом упомянутые исследования не затрагивают истории общественных организаций, сосредотачиваясь только на проблемах XX века – необходимости рационального использования природных ресурсов и научно обоснованного охотничьего законодательства, до сих пор трактующего охоту «как естественное право охотников в вопросах природопользования» (10).

В настоящей статье проведена попытка анализа структуры и деятельности обществ исключительно на основании довольно обширного источникового материала: уставах и проектах уставов обществ; отчетах правления, подробно отражающих все стороны деятельности общества, и других документов охотничьих организаций. В работе использованы постановления, распоряжения, циркуляры местной администрации, обзоры охоты, прошения и письма разных лиц, имеющих отношение к охотничье-промысловому хозяйству или обществам любителей охоты.

Классификация охотничьих обществ. Общим критерием отнесения общественной организации к той или иной категории, как правило, служит не задача, которую ставит перед собой общество, а преобладающая черта его деятельности, то есть для охотничьих обществ – «развитие хозяйственной жизни» (11, с. 610). В 1908 г., при составлении списка охотничьих обществ Департаментом Земледелия использованы

следующие критерии: род и характер деятельности, а также круг задач, очерченный уставными документами организаций. Согласно списку, российские охотничьи общества могут быть подразделены на три категории: спортивно-охотничьи (203 общества), стрелково-охотничьи (7) и специальные – кинологовические и хозяйственно промысловые (6) [12, л. 9–10]. Стоит отметить, что основная трудность была в определении «преобладающей черты деятельности» общества, по той же причине множества одновременно поставленных задач. Проблема была решена достаточно просто – сопоставлением уставов и отчетов. Общества, не развивающие в своей деятельности, например специальные хозяйственные стороны, но заявлявшие о них в уставе, безапелляционно относились к числу спортивно-охотничьих.

Анализ целей и приоритетов деятельности охотничьих обществ Дальневосточного региона позволяет утверждать, что здесь представлены первые две категории, но в большинстве обществ были сочетаемы задачи всех трех категорий. Учитывая данное обстоятельство, уместно рассматривать охотничьи и стрелковые общества (порой сочетавшие разные цели даже в названии: «Амурское стрелково-охотничье общество», «Приморское стрелково-охотничье общество», «Спасское общество охоты и спорта») как одно целое, пользуясь для их определения термином «охотничье». Неотъемлемым атрибутом такого общества является понятие «правильной охоты» – т.е. охоты, проводимой в дозволенное законом время, разрешенными (непромысловыми) способами и в соответствии с правилами и ограничениями, установленными в каждом отдельно взятом охотничьем обществе.

Общая характеристика уставных документов охотничьих обществ Дальнего Востока и их особенности. Итак, первые охотничьи общества на Дальнем Востоке появляются в 1888–1892 гг., еще до издания закона об охоте 1892 г., и задолго до принятия законодательных актов 1903–1907 гг., регулирующих порядок утверждения и отчетность таких обществ. Это обстоятельство определило своеобразный порядок регистрации – обязательной для образования общества стала поддержка высокого покровителя, получаемая по предварительному, как правило, неформальному, соглашению. Так, например, появлению Амурского охотничьего общества (1891) предшествовало письмо Великому Князю Александру Михайловичу от военного губернатора Амурской области А. Беневого, охотившегося в 1887 г. с Великим Князем в местных лесах. Мысль об устройстве охотничьего общества появилась за год до этого и была встречена более чем сочувственно – в письме упоминаются заявления от 50 лиц, пожелавших быть членами общества [13, л. 3 об.]. Таким образом, «охотнику и покровителю» в 1888 г. был отправлен проект устава будущего общества. И лишь после согласия Великого Князя, 26 октября 1888 г. Приамурскому генерал-губернатору был отправлен своеобразный пакет документов, включавший следующие: копию данного письма, проект устава, и, собственно, ответное письмо Его Высочества. Далее, 19 декабря 1888 г. в ходатайстве, направленном Министру Государственных Имуществ (по Лесному департаменту), генерал-губернатор, «признавая со своей стороны развитие охоты в Амурской области на более правильных началах весьма желательным», «не встречает препятствий» [13, л. 4] к учреждению в Благовещенске Амурского охотничьего общества.

Формулировка «отсутствие препятствий» становится традиционным сопровождением проектов всех уставов охотничьих обществ, а обоснование «правильных начал» полностью исчезнет из текста ходатайств. Изменяется только место назначения ходатайства: если в 1887–1893 гг. устав утверждался Министром Государственных Имуществ (по Лесному департаменту), то с 1894 г. уставы утверждаются Министром Земледелия и Государственных Имуществ (по департаменту Земледелия); в 1902–1914 гг. – тем же Министром Земледелия. С появлением в 1906 г. Временных правил об обществах и союзах для утверждения устава было достаточно грифа утверждения местных Комитетов по делам об обществах и союзах [12, л. 8]. Согласие покровителя, таким образом, осталось обязательным только для обществ, открытых в период с 1887–1892 гг. С другой стороны, общества, организованные позже и не имеющие покровителя, были избавлены от спонсируемых им к открытию общества средств. Например, ВОЛО получили от покровителя 9500 р. [14, л. 35]; вклад был единовременным, и за рассматриваемый период существования общества больше не производился.

Вернемся к Амурскому стрелково-охотничьему обществу, проект устава которого подвергнут тщательным поправкам в Лесном департаменте. Надо отметить, что рассматриваемый проект никуда не годился. Список замечаний и поправок растянулся на несколько страниц: «в упомянутом проекте не включены самые обязательные правила для направления действий общества, как, например, ... не установлен порядок избрания членов общества, должностных лиц, ничего не говорится о правах общества и о предметах занятий общих собраний, не определен район действий общества, не предусмотрен порядок ликвидации сумм имущества общества на случай прекращения действий оно и проч.» [12, л. 7–8]. Категоричного отказа не последовало – неудачно составленный устав отправлен с предложением «пересоставить его», более того, прислан «образец» для нового устава: устав Рижского общества охоты (1888), который должен был быть принят во внимание «в видах сохранения единообразия в охотничьих уставах». Министерство видело свою задачу в организации этих самых обществ по единому подобию, считая охотничьи общества «частными кооперативными организациями». Такое внимание к уставам объясняется также их особой ролью – в исключительных или спорных случаях устав служил единственным руководством для действий общества.

Итак, требование единообразия, предъявляемое Министерством Государственных Имуществ, было полностью выполнено. Нужно заметить, уставы охотничьих обществ были схожи не только между собой, они, в свою очередь, были полностью аналогичны уставам обществ, действующих в других областях общественной деятельности. Что касается смежных областей, то задача охраны лесных богатств должна быть общей для охотничьих и лесных обществ. Однако по отношению к дальневосточным охотничьим обществам можно говорить только о задаче охраны полезных животных (т.е. не хищников). Самим же охотникам также требовалось запрещение «всякого истребления и порчи деревьев» и напоминание об осторожном обращении с огнем [12, л. 172], что и делалось постоянно в распоряжениях генерал-губернаторов и осуществлялось под контролем лесных чинов. С 1893 г.

принцип аренды земли, а не леса окончательно отделил охотничьи общества от Лесного департамента.

Общее сходство уставов охотничьих организаций объясняется, очевидно, общностью задач, вынуждающих общества принимать коммерческие черты в качестве основы своего существования и необходимость следования государственным нуждам в данной области в качестве обоснования своей деятельности. И еще одна потребность, которая, пожалуй, должна быть первой в числе перечисленных – потребность организации собственного досуга, любимого увлечения, т.е. личный интерес, который и служил толчком к образованию общества. Личный интерес просматривается в уставах обществ (как правило, в пункте «цель»), и сами общества обращают внимание на этот факт. Например, в одном из ходатайств ВОЛО общество предполагает «как можно шире развивать свою деятельность не только в личных интересах, но и в интересах края» [14, л. 55 об.]. С той лишь оговоркой, что охота понимается «не только как промысел, но и как многосторонне полезное развлечение» [13, л. 15].

Основные этапы формирования обществ любителей охоты. Проблемы охотничье-промыслового хозяйства Дальнего Востока. Официальные отчеты противоречивы в определении периода массового возникновения охотничьих обществ. По данным Главного управления Землеустройства и Земледелия, принявшего с 1894 г. управление охотничьим хозяйством у Министерства государственных Имуществ, особую роль в появлении охотничьих объединений сыграл закон об охоте 1892 г., «с изданием которого число охотничьих обществ стало заметно возрастать» [12, л. 9 об.]. Причина достаточно очевидна: с 1892 г. охотничьим обществам, равно как и лесной страже, лесничим и охотничьим сторожам охотничьи свидетельства выдавались бесплатно (1892. Февр. 3 (8301) прав., ст. 9) [15, ст. 329]. В «Обзоре охоты в Приамурском крае» за 1910 г. основным критерием периода появления обществ охотников является создание «системы охотничьих правил» – с изданием закона от 3 февраля 1902 г. «на всем пространстве России, не исключая и ее далекие окраины, образуются сотни охотничьих обществ с утвержденными уставами... прямым постановлением этого закона, в среде русских охотников возникла корпоративная жизнь, проникнутая общими целями и культурными задачами» [16, л. 3]. Однако система правил, т.е. утвержденные сроки запреты на охоту, по свидетельству «Обзора» не распространились на Сибирь и Приамурский край, в которых звериные промыслы не подлежат никакому ограничению в отношении к времени года (1761. Авг. 24 (11315); 1764. Янв. 23 (12025); 1827 Июн. 21 (1198); Дек. 15 (1617) [15, ст. 481]. Охотничье законодательство, как центральное, так и местное, требует более подробного анализа, выходящего за рамки настоящей статьи, в связи с чем ограничимся только основными правилами, регулирующими непосредственно деятельность обществ охотников.

Сопоставляя период возникновения дальневосточных и западных охотничьих обществ, с учетом условий их регистрации, в рассматриваемом периоде их формирования можно выделить три этапа:

1). до 1892 г. (включительно) – общества открытые под покровительством Великих Князей Александра Михайловича и Кирилла Владимировича (*Владивостокское общество любителей охоты (1888)*; *Амурское охотничье общество (1891)*; *Хабаровское общество охоты (1892)*);

2). 1893–1902 гг. – общества, уставы которых утверждены Министром – в 1892–1894 гг. – Министром государственных Имуществ (по Лесному департаменту), с 1894 – Министром Земледелия и Государственных Имуществ (по департаменту Земледелия) (*Южно-Уссурийское общество любителей правильной охоты (1900)*).

3). 1903–1914 гг. – общества, уставы которых утверждены в 1902–1914 гг. Министром Земледелия и Государственных Имуществ (по департаменту Земледелия), с 1906, в порядке временных правил «Об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г., – местными Комитетами по делам об обществах и союзах. (*Зейское общество охоты и спорта (1908)*, *Приморское стрелково-охотничье общество (1910)*, *Николаевское общество любителей правильной охоты, стрельбы и рыбной ловли (1910)*, *Спасское общество спорта и охоты (1914)*, *Никольское общество любителей охоты (существовало в 1909 г.)*).

Суммируя данные ряда источников, можно сделать вывод о том, что перед местной властью и любителями охоты стояли следующие проблемы:

1). Браконьерство как «факт самовольной охоты» и браконьер – «мало считающийся с законами права и нравственности охотник-промышленник, имеющий возможность одним метким выстрелом приобрести от 150 до 600 и 700 руб.» [14, л. 62]. Зачастую браконьерами становились представители младших военных чинов, в частности в период пантовки, представляя собой пример «военного браконьерства» [17, л. 279]. Среди браконьеров охотники выделяют «иноверца», для которого крупный доход – соболь; и «русское население», для которого самый крупный доход составляет косуля [16, л. 8 об.]. Однако такая невыгодная роль населения отрицается в официальных документах, данные которых сводятся к тому, что население заинтересовано в сохранении зверя и признало необходимость «заказников», «запусков» и т.д. Особый тип браконьеров – охотники на птиц, преобладающие в районе оз. Ханка, где «не только взрослые, но и каждый мальчишка с ружьем в руках целые дни проводит среди болот и озер» [12, л. 90].

2). Отсутствие закона, охраняющего зверя и карающего за нарушение Правил охоты (штрафом, тюремным заключением, лишением оружия). В связи с чем охрана, к примеру, остовов Аскольда и Путятина «ежегодно представляет собой открытую войну» [12, л. 117].

3). Отсутствие закона, запрещающего или ограничивающего торговлю пантами и шкурками ценных животных, в том числе и в период, запрещенный для охоты.

4). Постоянное нарушение правил охоты, установленных на большей части территории Дальнего Востока по предложению Приамурского генерал-губернатора 28 февраля 1886 г. (правила по сбережению промысловых и охотничьих животных получили силу закона 1 марта 1886 г.).

Главными причинами такой сложной ситуации лесничие называют «косность населения, непонимание собственных интересов, слабость надзора по причине

малочисленности лесной стражи, ничтожность наказания в сравнении с выгодой от охоты и индифферентность к этому вопросу местной исполнительной полиции» [12, л. 134]. Только в 1914 г. было решено для «систематической борьбы» с браконьерами иметь специальную, вооруженную стражу в 10 лесничествах Приамурского края, особенно страдавших от китайских и корейских браконьеров, которых, по сведениям В.К. Арсеньева, в Приамурской тайге насчитывается примерно до 40 тыс. человек. Проектируемая организация предусматривала не менее 5 человек вооруженной стражи в каждом лесничестве, но требовала слишком большой суммы – только годового оклада планировалось по 600 руб., т.е. 3 тыс. руб. в год на каждое лесничество [12, л. 288 об.], в связи с чем идея не была реализована на практике. Меньших затрат требовала работа лесников и лесной стражи Сибирского казачьего войска, годовое содержание которых по Лесному уставу (изд. 1905) «не должно превышать 420 руб., с возложением обязанности иметь и содержать на свой счет верховую лошадь, а для лесников – 200 руб.» [1896. Февр. 26 (12558) II; 1908. Июн. 15 (с.у. 645) I] (Прод. 1908. T.VIII. Уст. Лесн. ст. 54 прим.).

Охотничьи общества нанимали, как правило, нескольких сторожей: от 1–2 (на пригородных или приханкайских угодьях) до 4 (на о-вах), в зависимости от величины охраняемой площади. Соответственно, затрачиваемые на охрану суммы составляли в год от 976 до 2733 рублей [17, л. 280; 14, л. 41. К этой сумме можно прибавить обязательное, зачастую ежегодное, вознаграждение сторожу за поимку браконьеров). Особенно выделяется Южно-Уссурийское охотничье общество, с 1909 г. нанимавшее на зиму 2, а с весны 4 конных егеря, охранявших каждый свой участок по секторам. За полгода старший егерь получал 275 руб., егеря-сторожа (8 чел.), работавшие по несколько месяцев в году, в среднем – по 50–70 руб. каждый [12, л. 156 об.]. Всего за 1909 г. на жалованье егерям общество затратило 645 руб., что составило 68% расхода. Помимо этого, за поимку браконьера, каждое общество давало премию, составлявшую 100–200 рублей.

Итак, какими мотивами руководствовались общества в решении выделенных проблем? Прежде всего, для сторонников правильной охоты должна быть отброшена доктрина охоты как подспорья населению. Основной задачей считалось «влияние на возможно большие сферы охотников в направлении законности, одновременно осуществляя цель сокращения браконьерства» [12, л. 154]. Но в связи с фактической невозможностью преследовать нарушителей общества выполняют «роль нравственного воздействия на жителей» в воспитании «уважения к порядку». Преследуя «воспитательные цели», общества могли использовать только свою возможность упорядочения охот на собственных угодьях, охраняя их и распространяя на их территорию действие постановлений общества – «временного нравственного кодекса, обязательного лишь для группы» [12, л. 155].

Полагая, что «в лице обществ правительство должно видеть своих помощников по проведению в жизнь населения идей по живому делу охотничьего хозяйства» [12, л. 113 об.], любители охоты неоднократно обращались за помощью к местным властям, военным, и даже крестьянам блажащих к угодьям общества деревень. Такие действия объясняются не желанием исполнять правительственные задачи, а,

скорее, невозможностью охранять угоды как свою собственность. В «тревожном» 1903 г. Владивостокское общество, потерявшее почти всех сторожей по причине их призыва на военную службу, добилось у генерал-лейтенанта Мищенко командирования военной команды (106 чел.), при помощи которой были пойманы и арестованы два известных в крае промышленника [12, л. 87 об, 116]. Еще раньше, в 1897 г. помощь военных была определена общественным мнением, возмущенным «зверским убийством И.А. Бушуева... после чего на Аскольд была назначена облава воинскою силою... но ничего найдено не было» [1, с. 251].

Однако отношение военных к природным богатствам было определенным. Накануне русско-японской войны штаб Владивостокской крепости бумагой от 19 марта 1903 г. за №10 запросил ВОЛО о числе оленей на предмет «внесения их в смету довольствия войск гарнизона мясом на случай осады крепости» [12, л. 91 об.]. Затем, полагая, что о. Аскольд по своей отдаленности может служить местом высадки неприятеля, который устроит из него базу, комендант крепости приказал перестрелять всех оленей на острове. Проникнув в печать, это известие вызвало беспокойство о сохранении зверя со стороны не только местных, но и нескольких западных научных обществ, и, вслед за этим, 26 октября 1904 г. отношение Министерства Земледелия и Государственных Имуществ военному губернатору Приморской области. Тем не менее, избиение оленя было отменено только по причине непогоды, которая застала военную команду на пути к Аскольду. Такая несогласованность с действиями официальных ведомств особенно очевидна на примере ВОЛО. Например, на о Русском черезполосно располагались земли, принадлежащие городу, военному ведомству, предоставившим свои земли ВОЛО и морскому ведомству, отказавшему охотникам. При этом морское ведомство выдавало всем желающим, не исключая промышленников, билеты на право охоты на своих землях за плату 3 р. в год (для сравнения: ежегодный и вступительный взнос в ВОЛО составлял в сумме 35 р.). «Лица, бродившие с оружием по земле... заявляли, что идут на участки морского ведомства» [12, л. 88 об.] и были практически не достигаемы для общества.

Итак, любители охоты, «считая своим нравственным долгом апеллировать к русскому обществу на неудержимое военное браконьерство, признают необходимым остановиться подробнее на этом чисто разбойническом отношении к природе и чужой собственности» [12, л. 90]. Однако именно в борьбе с военным браконьерством местная администрация не стремилась оказать поддержку обществам. Тем не менее, любой другой факт истребления зверя заслуживал немедленного распоряжения, примером чему могут служить законопроекты, последовавшие в ответ на письма о бесчеловечном избиении зверя корейцами и манзами в снежную зиму 1885/86 гг. в Южно-Уссурийском крае [18, л. 21–44; 19, л. 4–22]. С другой стороны, согласно Правилам по сбережению промысловых и охотничьих животных в Приамурском крае от 1 марта 1886 г. и 10 июня 1899 г., охотничьим обществам предлагалось принимать на себя наблюдение за их исполнением. Администрация также «внимательно рассматривала их ходатайства об установлении необходимых сроков запрета охоты в известных местностях края... где, под совместной охраной

этих обществ и лесной администрации, могла бы размножаться полезная дичь и производится обществами правильная охота» [20, с.47].

Основные направления деятельности охотничьих обществ Дальнего Востока. Рассматривая деятельность охотничьих обществ, можно сделать вывод о приоритетных видах мероприятий, существовавших в каждом обществе. Обязательными для каждой организации можно назвать следующие: постановка правильного охотничьего хозяйства, охрана угодий, размножение и сохранение полезного зверя, организация народных и членских состязаний, выработка охотничьих правил и ходатайство об их принятии и распространении в крае. Менее распространенные: обучение населения навыку стрельбы, дававшее обществу покровительство местной власти благодаря «практической» пользе, а также такое дорогостоящее, и потому не слишком удачное мероприятие, как собаководство. Более или менее успешные в каждой из этих областей, общества были абсолютно едины только в одном направлении – в ходатайстве о совершенствовании местной природоохранительной системы. Не углубляясь в деятельность каждого общества по отдельности, остановимся лишь на коллективной деятельности местных любителей охоты.

Итак, несмотря на очевидное взаимодействие большинства местных, и нескольких центральных охотничьих организаций, решение обществами проблем природоохраны нельзя назвать корпоративными. Ярким примером полностью несогласованных действий стала провальная политика местных обществ на Втором Всероссийском Съезде охотников, проходившем в Москве 17–24 ноября 1909 г. Съезд собрал около 300 представителей разных губерний под председательством Великого Князя Сергея Михайловича. Несмотря на то, что на съезд попали только два представителя охотничьих обществ (П.М. Захаров и П.Л. Ярышкин), задача, поставленная перед ними, была достаточно обширной – создать Сибирскую секцию и добиться изменения статуса «промыслового» для всего Дальневосточного региона. Ведущими были не только интересы края: «хотелось помочь охотничьим обществам сразу завести свое хозяйство, без опасения, что оно попадет в промысловый район» [17, л. 282]. Накануне отъезда председатель Южно-Уссурийского общества П.М. Захаров попытался создать Сибирскую секцию, о чем уведомил, в частности Владивостокское общество. Не дождавшегося ответа Захарову, на съезде «особо бросалось в глаза слабое представительство Сибири... кроме меня из Томска был г. Лялин, известный медвежатник, представитель г. Иркутска, г. Читы, и в конце, кажется, прибыл кто-то из Владивостока» [17, л. 282]. Вряд ли Ярышкин и Захаров не узнали друг друга на съезде, так как долгое время оба являлись действительными членами ВОЛО. Очевидно, в силу каких-либо причин, они не объединили своих усилий. Обратная ситуация отражается в официальных отчетах председателей. По утверждению Ярышкина, именно он, по инициативе Захарова, был докладчиком, защищающим интересы Сибири перед съездом, «состоящим из лиц незнакомых с промысловой охотой, но симпатизирующих мне» [19, л. 3 об.] Все это не помешало председателям, независимо друг от друга, изложить свою точку зрения и программу в личном докладе или письме Великому князю.

Вклад обществ в дальневосточное охотничье хозяйство, возможно, нельзя назвать огромным, по причине не отлаженного законодательного механизма, и, отчасти, малочисленности таких организаций. Общий результат природоохранной деятельности местных обществ полностью передают слова генерал-лейтенанта П.М. Захарова, по мнению которого «благие начинания парализовались отсутствием в крае охотничьего закона и фактически несуществующими постановлениями генерал-губернаторов» [17, л. 275]. Тем не менее, «культурные оазисы, располагающие лишь правом нравственного воздействия» [17, л. 282], реализовали задачу, которую сами же себе и поставили. Задача состояла в достижении личных интересов в сфере охоты, что способствовало удовлетворению интересов региона, поскольку организации охотников являлись, по сути, добровольными представителями общества. Успешная, как правило, охрана арендуемых угодий и создание питомников способствовали сохранению природных богатств Дальневосточного региона. Проекты охотничьих правил, составленные не только любителями, но истинными знатоками охоты представляли собой первую попытку законодательного регулирования местного промысла, основанную исключительно на особенностях дальневосточных природных условий [подробнее см. 21, 22]. И, наконец, благодаря приобщению максимально возможного числа охотников к культуре «правильной» охоты в регионе, где охота исторически признавалась свободным промыслом, охотничьи общества сыграли решающую роль в формировании экологического типа сознания и заложили основы образованию новой, опережающей государственную политику, природопользовательской системы.

1. Матвеев, Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока / Н.П. Матвеев. – Владивосток, 1990. – 302 с.
2. Богданов, А. Амур и Уссурийский край / А. Богданов. – М., б.и., 1915.
3. Слюнин, Н.В. Охотско-Камчатский край: Естественно-историческое описание / Н.В. Слюнин. – СПб., 1990. – Т. I. – 84 с.
4. Полнер, Т.И. Общеземская организация на Дальнем Востоке / Т.И. Полнер / сост. по поручению общеземских организаций Т.И. Полнер. - М., 1908. – Т. I. – 138 с.
5. Алексеев, А.И., Морозов, Б.Н. 1984. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX – 1917 г.) / А.И. Алексеев, Б.Н. Морозов. – М., 1964. – 320 с.
6. Штильмарк, Ф.Р. Заповедники и заказники. – М., 1984. – 144 с.
7. Тихонов, А. Охотничьи ресурсы России / А. Тихонов // Охота и охотничье хозяйство. – 1997. – №9. –160 с.
8. Улитин, А. На пороге третьего тысячелетия / А Улитин // Охота и охотничье хозяйство. – 1998. – №12.
9. Дежкин, В.В. Кризис охотничьего хозяйства / В.В. Дежкин // Охота и охотничье хозяйство. – 1997. – №8.
10. Бобров, Р.В. Права охотничьи – интересы общественные / Р.В. Бобров // Лесное хозяйство. – 2002. – №2.

11. Гессен, В.М. Общества / В.М. Гессен / Энциклопедический словарь. Репринт. воспроизв. издания Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. 1890–1900. – Ярославль. – 1992. – Т. 42.
12. Российский Государственный Исторический Архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 702. – Оп. 2 – Д. 299.
13. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 3. – Д. 47.
14. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 3. – Д. 464.
15. Свод законов Российской Империи. Полный текст всех 16 тт. соглас. с послед. продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 873 Зак. Осн., и позднейшими узаконениями / под ред. и с прим. И.Д. Мордухай-Болтовского; сост.: Н.П. Балканов, С.С. Войт и В.Э. Герценберг. – С.-П., Русское книжное товарищество «Деятель». Т. XII. (СЗРИ, Устав сельского хозяйства). – 1909.
16. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп.3. – Д. 255.
17. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 3. – Д. 304. – Л. 237.
18. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 3. – Д. 22.
19. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 182.
20. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Духовского за 1896–1897 гг. / С.М. Духовской. – С.-П., 1898.
21. Истомина, Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX века / Э.Г. Истомина // Отечественная история. – №4. – 1995.
22. Котляр, Н.В. Общества охотников Дальнего Востока в 1887–1914 гг. / Н.В. Котляр // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. (Историко-археологические исследования). – Т. 4. – Вл-к. 2003. – 274 с. – С. 233–271.

© Котляр Н.В., 2015

Для цитирования: Котляр Н.В. Правила охоты: учреждение и деятельность охотничьих и стрелковых обществ на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. / Н.В. Котляр // «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса». – 2015; №4. – С. 144–154.

For citation: Kotlyar N.V. Terms of hunting: the establishment and activities of hunting and rifle companies in the Far East in the late XIX – early XX centuries. / N.V. Kotlyar // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. – 2015; №4. – P. 144–154.